

Т. М. Смирнова

Эстонский театр в Петрограде-Ленинграде (1917–1937 гг.)

Любительские спектакли на разных языках ставились в многонациональном Петербурге силами диаспор уже в последней трети XIX в. В 1860-х гг. Санкт-Петербург стал одним из центров эстонского национального движения, здесь действовал кружок национально ориентированной эстонской интеллигенции¹. В феврале 1873 г. эстонский общественный деятель, писатель и композитор К. А. Херманн поставил пьесу немецкого драматурга А. В. Иффланда «Холостяки» в вольной переработке («эстонизации» применительно к своему времени) под названием «В городе и деревне», сыгранную коллективом любителей². В 1910 г. в Петербурге проживали 23 тыс. эстонцев, во время Первой мировой войны их численность значительно выросла за счет беженцев и эвакуированных. События 1917 г. открыли шлюзы для социального и художественного творчества рабочих и солдатских масс. Превращение народных масс в субъектов — непосредственных творцов истории — усиливало интерес к театру, и он становится самым массовым и наиболее распространенным искусством. Захватывающее сценическое действие было интересно и понятно самым широким массам, втянутым в круговорот исторических событий.

После Октябрьской революции новая государственная власть взяла театральное дело под свою эгиду: 9 (22) ноября 1917 г. декрет Совета Народных Комиссаров передал театры в ведение Государственной комиссии по просвещению, преобразованной вскоре в Народный комиссариат по просвещению (Наркомпрос). В январе 1918 г. был учрежден Театральный отдел (ТЕО) Наркомпроса³. Одним из важных шагов ТЕО НКП стало опубликование в феврале

1919 г. обращения «Ко всем национальностям России», в котором провозглашалось: «В свободной России нет более понятия национальностей угнетенных или хотя бы второстепенных; многообразию всех национальных культур отныне достаточно места на широкой русской равнине». В качестве практической задачи отдела ставилось «создание условий для возникновения и процветания театра и драматургии и среди тех национальностей России, которые до сих пор находились либо в стесненном положении, либо вовсе театра еще не имели», для чего при ТЕО была образована особая Коллегия национальных меньшинств⁴.

Театральное дело на северо-западе РСФСР в 1918–1919 гг. находилось в ведении Отдела театров и зрелищ Комиссариата народного просвещения Союза коммун Северной области (СКСО), созданного 11 октября 1918 г. в Петрограде. Его возглавлял комиссар, эту должность занимала известная актриса Мария Федоровна Андреева. Для решения творческих вопросов при отделе функционировал Художественный совет, в который входили Максим Горький, Федор Шаляпин, А. В. Луначарский, А. Бенуа, М. Добужинский и др.⁵

К осени 1917 г. в Петрограде действовали Эстонское культурное бюро при Петроградском комитете эстонских солдатских депутатов, ставившее актуальные одноактные пьесы-агитки, и полупрофессиональные театральные труппы под управлением О. Петерсона, И. Пыдрам-Таго, Д. Отсинга, в ноябре 1917 г. объединившиеся в Эстонское театральное общество с намерением создать профессиональный театр⁶. Летом 1918 г. труппа О. Петерсона была преобразована в Театр эстонского Пролеткульта. В его репертуаре были «Гибель “Надежды”» и «Седьмая заповедь» Г. Гейерманса, «Потерянный рай» Л. Фульда, «Грубая сорочка» К. Карлвейса, «Плотники» К. Шенгерра. Однако этот репертуар не устраивал Совет петроградского Пролеткульта, с точки зрения которого названные пьесы не представляли никакой классовой ценности. На этом основании театр был лишен материальной поддержки и вынужден был прекратить свою работу⁷.

Увлечение любительским театром было повсеместным: эстонских музыкально-драматических кружков в 1919–1920 гг. в Северной области было около 50⁸. В ноябре 1920 г. в Петрограде на Моховой ул., 15, был открыт первый петроградский национальный Дом просвещения — Эстонский, при котором работала театральная студия под руководством Вальтера Рятсепа. 1 февраля 1921 г. на основе этой студии был образован полупрофессиональный петроградский эстонский театр «Агиттруппа». На открытии театра шла пьеса Х. Анто «Когда стихает шторм»⁹. Уже в феврале 1921 г. театр с успехом гастролировал по губернии, где в это время проживали 22 тыс. эстонцев. Создатели и руководители театра стремились сделать его «достоянием для всех пролетариев-эстонцев в России»¹⁰. На 1 января 1922 г. труппа эстонского театра (заведующий А. Пеа) состояла из 20 человек, режиссер — Комбетг. За 1921 г. театр дал 19 спектаклей в Петрограде и 16 — в губернии, а отдельных выступлений артистов театра насчитывалось более 50¹¹.

Кроме Дома просвещения (ДПР) в начале 1920-х гг. Петрограде работали еще несколько эстонских клубов — на Васильевском острове, в Московском и II Городском районах, объединенный клуб Петроградской и Выборгской стороны¹². При этих клубах имелись свои театральные студии и драмкружки, осуществлявшие гастрольные поездки по Петроградской губернии. Большая труппа Петроградско-Выборгского клуба (28 чел.) в «клубную неделю» совершила турне по Гдовскому уезду. Спектакли устраивались попеременно для взрослых и детей, постановки пользовались популярностью, зрители собирались с ближних и дальних хуторов, их число доходило до 300–500 человек. Труппа Эстонского дома просвещения гастролировала в Лужском уезде, коллектив II Городского района — в Ямбургском. В Петрограде непродолжительное время работал также Эстонский городской театр под руководством Югансона. В 1921 г. он выступал по маршруту Гдов — поселки Ломово — Ахтино — Струги Красные. Репертуар всех драматических коллективов включал актуальные пьесы с красноречивыми названиями: «Управляющий», «Отец и сын», «Черная война», «Против течения» и др.¹³

Введение нэпа значительно ограничило государственное финансирование культпросветучреждений, многие творческие организации (большинство — временно) прекратили свое существование. Однако работа с национальными меньшинствами, будучи крайне важной с политической точки зрения, не могла быть сокращена. Среди эстонцев в Петрограде она проводилась прежде всего усилиями Эстонского дома просвещения. До конца 1920-х гг. хорошо работал еще один эстонский клуб (сначала как самостоятельная организация, потом — филиал ДПР) в Выборгском районе, при клубе действовал драмкружок из 15 чел.¹⁴

В июле 1922 г. Эстонский ДПР переехал в прекрасное помещение на Красной ул., 33 (бывший зал «Поллак»), где был театрално-концертный зал на 500 мест. Здесь в результате реорганизации возникла новая театральная труппа (драматический кружок) из 30 человек, с 1925 г. именовавшаяся Театром Эстонского дома просвещения¹⁵. Литературный кружок Эстонского ДПР подготовил, а драматический — осуществил инсценировку «Эстонские буржуа в аду», в которой отразил «кровавые события в Эстонии и убийство т. Томпа» (эстонского коммуниста, казненного в 1924 г.)¹⁶.

Творческая деятельность полупрофессионального театра была активной, к нему проявлялся постоянный и высокий интерес эстонского зрителя. Партийные и советские органы поддерживали театр, который использовался для агитационно-пропагандистской работы среди эстонского населения города и особенно области. Эти обстоятельства привели к «учреждению» в марте 1929 г. постоянного Эстонского театра на базе существовавшей при ДПР труппы¹⁷. 7 октября 1930 г. было принято постановление Совнаркома РСФСР о перестройке системы руководства театрами, пунктом 3-м в котором значилось: «Сеть национальных театров должна быть расширена и укреплена»¹⁸. На основании этого постановления Президиум Ленинградского областного

Совета по делам искусств в ноябре 1930 г. принял решение ввести драмкружки Эстонского и Финского Домов просвещения в систему Дома самодеятельного искусства «в качестве профессиональных театров нацменьшинств»¹⁹. Таким образом, несмотря на принятое более полутора лет назад решение о создании Эстонского театра, его коллектив всё еще рассматривался как самодеятельный.

До весны 1933 г. эстонский театр работал под названием Государственного эстонского передвижного агиттеатра (использовалось и название Государственная эстонская агитбригада), затем получил статус Государственного эстонского колхозного театра (с 1936 г. — совхозно-колхозного), что свидетельствует о его преимущественно областном направлении работы. Об этом говорит и еще одно используемое в театральных справочниках и печати название — Эстонский нацмен передвижной областной театр (обычно упоминался просто «Эстонский национальный театр»).

В соответствии с постановлением Президиума Леноблисполкома и Ленсовета от 27 декабря 1932 г. «О театрально-художественном обслуживании области» Эстонский театр был включен в состав Ленинградского областного управления театрами (ЛОУТ)²⁰. В 1933 г. директор ЛОУТ И. Кацман подал докладную записку о реорганизации работы в области, в которой содержались предложения и по национальным театрам. «Особого внимания заслуживают нацментеатры (татарский, финский, эстонский), которые ведут свою работу среди населения слабо владеющего русским языком, расположенных в районах группы А²¹, на новостройках и на Дальнем Севере. Однако, этим театрам не уделяется достаточного внимания в том числе и со стороны ЛОУТ, поэтому их работа страдает, как отсутствием репертуара, необходимых квалифицированных кадров, а также материальной базы. ЛОУТ считает необходимым принять ряд мер по созданию условий для дальнейшей работы нацментеатров <...> путем укрепления кадрами, привлечения нацмен секции Орг. Комитета писателей к созданию репертуара и улучшения материальной базы этих театров»²².

Базой эстонского театра оставался Эстонский ДПР, но условия его работы значительно ухудшились, так как постановлением Малого Президиума Ленсовета от 6 июля 1932 г. в помещение, где он находился, были переселены Финский ДПР и Финский театр. Делить репетиционные помещения и театральный зал с Финским было непросто. Выход из конфликтной ситуации искали коллективы обоих домпросветов и театров, обращаясь в различные партийно-советские инстанции. Они добились положительной резолюции первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Кирова²³, но только в 1935 г. Финский ДПР и театр перевели в помещение Объединения нацмендомпросветов на ул. Некрасова, 10. Это ненадолго улучшило положение эстонских организаций — в 1936 г. по Красной ул., 33, сосредоточились четыре домпросвета (кроме эстонского, еще немецкий, литовский и венгерский, в 1937 — эстонский, немецкий, польский и латышский). В двенадцати имеющихся комнатах долж-

ны были работать 60 кружков, так что происходила «драка из-за помещений», как отмечалось в докладной записке в горком ВКП(б) в июле 1937 г.²⁴

В соответствии со своим статусом областного передвижного или колхозного Эстонский театр 8–9 месяцев в году находился в разъездах по Ленинградской области, где проживали 72 тыс. эстонцев. Два-три месяца театр находился в Ленинграде, за это время давалось несколько спектаклей, но главное — нужно было подготовить новые постановки. В сентябре 1934 г. в «Правде» была опубликована заметка «Национальный театр в колхозе» — о работе эстонского и финского ленинградских театров. В ней, в частности, отмечалось: «Четыре года существует в Ленинградской области национальный эстонский театр. Его актеры — почти все уроженцы Эстонии, рабочие. Его зрители — колхозники-эстонцы, проживающие главным образом в районах Кингисеппа, Луги, Красногвардейска, Гдова, Середки и Пскова»²⁵. В период отчетно-перевыборной кампании в местные Советы с 15 октября по 20 ноября 1934 г. Эстонский театр выступил в районах области 26 раз со «специальным», т.е. агитационным, репертуаром²⁶.

Производственно-финансовый план Эстонского театра на 1935 г. предусматривал уже 240 спектаклей, из них 227 — в колхозах и совхозах области и только 13 — в Ленинграде, при этом зрителей соответственно 36 и 5,4 тыс. чел. Контрольные цифры на год вперед — на 1936 г. — содержали еще более напряженные цифры: 260 спектаклей в области при 42 тыс. зрителей и 20 спектаклей (8 тыс. зрителей) — в Ленинграде. В целом рост по спектаклям к 1935 г. должен был составить 8,4%, а по количеству зрителей — целых 38,9%.²⁷ При 9 месяцах выступлений в области следовало давать 29 спектаклей ежемесячно, и это не учитывая времени переездов. Абсолютно механический подход к деятельности творческого коллектива ничем не отличался от планирования деятельности какого-либо производства, но вряд ли был реалистичным. Это осознавалось позже, на уровне оперативного планирования: в двух вариантах планового задания на период с 1 января по 1 мая 1936 г. приводятся разные цифры. В одном случае эстонскому театру следовало выступить 89 раз в Кингисеппском, Волосовском, Середкинском и Гдовском районах, обслужив 12 тыс. зрителей, и дать 7 спектаклей для 2,3 тыс. зрителей в Ленинграде. В другом — говорится о 70 выступлениях, но уже в восьми районах (Плюсском, Стругокрасненском, Новосельском, Лядском, Гдовском, Кингисеппском, Волосовском и Красногвардейском)²⁸. Возможно, такой пересмотр был связан и с тем, что в этот период сменилось управление театрами, и передвижные национальные театры перешли в ведение Ленинградского областного театрального треста (ЛОТТ). Таким образом, вместо первоначальных 29 спектаклей в месяц речь шла уже о 22 или даже 18. За 9 месяцев 1936 г. в Ленобласти было дано 158 спектаклей в 12 районах со значительным эстонским населением, в том числе: один спектакль в Мгинском районе, по два — в Тосненском и Плюсском, три — в Середкинском, 6 — в Полновском, по 10 — в Красногвардейском и Новосельском, 13 — в Кингисеппском, 15 — в Гдовском, 18 — в Стругокрасненском, 32 — в Лядском и целых 46 — в Волосовском²⁹.

На 1937 г. театр получил план за 8 месяцев дать 210 спектаклей в области, а за три месяца пребывания в Ленинграде — 10. В октябре труппа должна была находиться в коллективном отпуске. Выступления были расписаны по месяцам, учитывалась также интенсивность сельскохозяйственных работ: в январе–феврале, августе и декабре планировалось показывать по 5 спектаклей в районных центрах и по 35 — непосредственно в колхозах и совхозах, такой же график был на период с 15 апреля по 15 июня; с 1 марта по 15 апреля и с 15 июня по 1 августа театр должен был по 5 раз выступить в Ленинграде и дать еще по 25 спектаклей в колхозах и совхозах³⁰. Всего в области Государственный эстонский колхозный театр обслуживал 100 «точек»³¹. За пять лет работы Эстонский колхозный театр дал 783 представления, из них 681 — в колхозах³².

С 1921 по 1936 г. художественным руководителем Эстонского театра был Вальтер Рятсеп, коммунист, участник Гражданской войны. В 1936 г. его сменила Лийна Боркман, а последним худруком театра в 1937 г. был Г. А. Морев. В труппе театра осенью 1937 г. числилось 24 актера³³. Ветеранами Эстонского театра в Ленинграде были Р. и Э. Альт, И. Кельбер, К. Сельяк. Эрна Альт начала свою театральную деятельность в 1917 г. в Таллине, где пела в Олевистеском народном доме. Актриса принимала участие в молодежном движении Эстонии и в партийной коммунистической работе, за что была заключена в тюрьму. В 1926 г. Э. Альт с мужем, тоже артистом, переехала в Ленинград. В Эстонском театре Э. Альт сыграла 36 ролей разного плана. Талантливый режиссер и актер Карл Сельяк, член ВКП(б), участник Гражданской войны, оставил незавершенную пьесу «Изборск» об одном из ее трагических эпизодов, дописанную после смерти автора коллегами³⁴.

Администратором Эстонского агиттеатра в 1933 г. был Р. А. Катласепп, одновременно исполнявший обязанности заведующего массовым сектором ДПР³⁵. В 1934 г. директором Эстонского театра был назначен заведующий домпросветом Август Розенталь, но в 1935–1936 гг., находясь на отдельном финансировании, театр имел собственный административный персонал: директором был Рудольф Альт, администратором — Арнольд Тууль. Спектакли в Эстонском театре ставили также режиссеры Унт и Эльгикюд, оформляли художники Арапов и Коваленко³⁶. В документах Эстонского ДПР упоминаются актеры театра Т. Мясэс, Г. Раяпу, С. Каспар, С. Эстер³⁷.

О некоторых подробностях биографии Арнольда Ивановича (Яновича) Тууля можно узнать из характеристики, данной ему директором театра Р. Альтом в июле 1936 г. А. Тууль родился в Юрьеве (Тарту) в 1903 г. и до 1925 г. жил в Эстонии, был членом Рабочей партии, отслужил в армии, а затем эмигрировал в СССР, в 1927 г. вступил в ВКП(б). В Ленинграде работал на заводе «Марксист», в 1931–1935 гг. учился в Ленинградском отделении Университета национальных меньшинств Запада (ЛОКУНМЗ), в апреле 1935 г. решением Секретариата обкома ВКП(б) был направлен в Эстонский театр на массовую работу, но в этом качестве «оказался не вполне способным ввиду его иногда

резкого и вспыльчивого характера». В 1936 г. его перевели на «хозяйственную» (административную) работу, и здесь он оказался на месте — «честно и аккуратно выполнял до данного времени все возложенные на него работы», но при обмене партийных документов возникла проблема с прежним членством А. Тууля в Рабочей партии, и выдача нового партбилета была задержана. Это вызвало интерес спецотдела Управления НКВД по Ленинградской области, по запросу которого и была дана характеристика³⁸. В этой ситуации положительный отзыв директора театра дорогого стоил!

Все постановки театра проходили предварительный общественный просмотр. При театре действовал художественный совет, в который входили ленинградские эстонские писатели, представители эстонской коммунистической газеты «Эдази» и правления домпросвета. Репертуар Эстонского театра в 1932–1933 гг. состоял практически только из переводных — русских и советских — пьес³⁹. Позже наряду с ними ставились и произведения национальных авторов, и постепенно соотношение между ними стало примерно равным. На сезон 1934/1935 г. Эстонский театр включил пьесы «Волчья тропа» А. Афиногенова, «Золотая табакерка» П. Яльцева, «Укрощение Робинзона» В. Каверина, «Петро возвращается» Юхкума, эстонская комедия «Агенты», антирелигиозная пьеса «Домовой» («Pisuhänd», 1913) классика эстонской литературы Э. Вильде. В программу «малых форм» входили «Заглавная фигура» по М. Шолохову, «Синяя тройка» Волженина, «Без мандата» Журавлева, а также народные песни и пляски⁴⁰. В 1935 и 1936 гг. в театре шли спектакли в художественном оформлении Арапова по пьесам «Тихая гавань» В. Вишневского (режиссер Морев), «Двух разделить пополам» Тригера (режиссер Унт), а также инсценировка по роману Э. Вильде «Молочник из Мяэкулы» («Mäeküla piimamees», 1916) в постановке В. Рятсепа. «Шестеро любимых» А. Арбузова поставил режиссер Эльгикюд, художник Коваленко. К постановке были приняты «Родина» Левина и «Богатая невеста» Ларри, а драматургу Э. Пялю пьеса была заказана. Театр готовился показать и западноевропейскую классику — комедию Ж.-Б. Мольера «Жорж Данден»⁴¹. Намечались постановки «Поднятой целины» М. Шолохова и пьес эстонских авторов — К. Трейна, П. Кевамеса, Лемера, Саара и других членов эстонской секции Ленинградского отделения Союза советских писателей. Театр усилил работу над созданием серии концертных программ⁴². Учитель русского языка в эстонской школе в Луге Фердинанд Карлович Клинберг написал пьесу «Батраки», принятую к постановке Эстонским театром⁴³. В 1937 г. отмечалось столетие со дня смерти А. С. Пушкина, в связи с чем в театре были поставлены семь сцен из трагедии «Борис Годунов» в переводе В. Рятсепа: «Келья Пимена», «В корчме», «Сцена у фонтана», «Достиг я высшей власти», сцены с Шуйским, юродивым и смерть Бориса⁴⁴.

Всего в репертуаре Эстонского театра в Ленинграде было 39 пьес и несколько концертных программ, но к 20-й годовщине Октябрьской революции

подходящей пьесы эстонского советского автора не нашлось, и коллектив театра готовил постановку по пьесе В. Билль-Белоцерковского «Граница»⁴⁵.

Государственный эстонский театр сотрудничал с Эстонским домпросветом, на базе которого работал. В домпросвете действовал самодеятельный драмкружок, из постановок которого известен спектакль 1932 г. «Миллион страданий»⁴⁶. К середине 1930-х гг. драмкружок был преобразован в театральную студию под руководством Г. А. Морева (1909 г. рождения, русский, беспартийный, образование высшее). Студия активно выступала и в домпросвете, и на периферии — в клубах фабрики «Красная заря», заводов «Электросила» и «Русский дизель», в колхозах «Эдази» Волосовского района, «Колхозное пламя» Красногвардейского района и др.⁴⁷ В 1936 г. в студии занимались 32 человек. Председателем бюро студии был студент Ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (ЛОКУНМЗ), член ВКП(б) А. Т. Вайнло. В составе студии были члены актива домпросвета — рабочий «Печатного двора» Л. Г. Крекман, работница завода им. Казицкого Л. Петрова, студентка К. Емельянова, домохозяйка А. Тейтер. В 1937 г. численность студии выросла до 39 человек, так что ее пришлось разделить на две учебные группы, в связи с чем руководство домпросвета ходатайствовало об увеличении оклада руководителя с 275 до 300 руб. в месяц⁴⁸. В студии проводились занятия по ритмике и пластике, а также по гриму. На 1937 г. было запланировано 27 массовых театральных вечеров⁴⁹.

Несмотря на большую востребованность национальных театров как со стороны власти, так и со стороны непосредственных «потребителей» — зрителей, ждущих реалистичного действия на родном языке, все они в материальном отношении «влачили очень жалкое существование», как отмечено в материалах одной из проверок⁵⁰ — им всем хронически не хватало средств, все они были дотационными. Ожидаемый убыток Эстонского театра в конце 1933 г. составлял 45 тыс. руб., а на 1934 г. планировался дефицит в 30 тыс.⁵¹ Ожидаемое исполнение бюджета на 1935 и 1936 гг. было еще более дефицитным: в 1935 г. доходы планировались в размере 30,5 тыс., расходы — 112,5 тыс. руб. (потери 82 тыс.), в 1936 г. — 44 тыс. и 129 тыс. руб. соответственно, т.е. потери должны были составить 85 тыс. руб.⁵² Но раз дефицит планировался, то он, хотя бы частично, и восполнялся. Но осенью 1937 г. преемник ЛОУТ — Ленинградский областной театральный трест (ЛОТТ), в состав которого входил Эстонский театр, отпустил вообще «грошовые суммы»⁵³. Впрочем, ленинградские национальные театры доживали последние дни, они оказались ненужными власти при перемене политики.

Свершившийся в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х гг. «великий перелом» в социально-экономической политике, а также обострение внутрипартийной борьбы привели к радикальному изменению и советской национальной политики. Национальное стало восприниматься как рудимент прошлого, а приверженность ему — в лучшем случае как слабость недостаточно «пере-

кованных» людей, а то и опасный уклон, называемый «нацдемократизмом», а еще определеннее — местным национализмом. Ведущей тенденцией новой национальной политики стала унификация в культурной сфере. Особенно уязвимыми в этом отношении оказались национальные меньшинства, не имевшие своих национально-государственных образований, т.е. никакого формального барьера на пути унификации. Их национальное своеобразие, нагляднее всего проявлявшееся в языке, было отринуту государством как помеха магистральным культурным процессам.

В Ленинграде ликвидация национальных образовательных заведений и культурно-просветительных учреждений была осуществлена в сентябре–декабре 1937 г. Ленинградские национальные театры — Эстонский, Финский, Латышский и Китайский — продолжали работать до конца 1937 г., но тучи над ними сгущались — ведь это были культурные учреждения так называемых «зарубежных национальных меньшинств», рассматриваемых советской государственной машиной как «пятая колонна» враждебных СССР государств. Особенно подозрительным было наличие в составе этих театральных коллективов иностранных граждан, политэмигрантов и перебежчиков, а также лиц, родившихся за границей или имеющих там родственников. Степень владения русским языком служила еще одним мерилом благонадежности, а далеко не все сотрудники национальных театров хорошо его знали. Развертывание репрессий по национальному признаку и появление в 1937 г. особых «национальных приказов» НКВД предрешили судьбу этих организаций культуры.

В краткой справке для обкома ВКП(б) о национальных театрах и художественных коллективах в Ленинграде и области, составленной не позже сентября 1937 г., вторым пунктом шел «Эстонский профессиональный театр»: «Состав 24 чел., из них 10 эмигрантов. В составе 5 членов ВКП(б) и 2 комсомольца. Среди них имеются подозрительные люди, которые сейчас проверяются. Обслуживает районы Ленинградской области и выезжает на гастроли в другие районы Советского Союза»⁵⁴.

В это время театр уже не мог нормально работать — в конце августа власти приняли решение освободить «для особых госнужд» помещение на Красной ул., 33, где находились Эстонский, Немецкий, Латышский и Польский домпросветы, формально объединенные в Дом культуры народов Запада. Во исполнение этого заведующий культпросветотделом Ленсовета 29 августа 1937 г. издал распоряжение закрыть названные дома просвещения с 1 сентября 1937 г.⁵⁵ Решение о ликвидации всех существующих в то время в Ленинграде национальных домов просвещения было принято несколько позже — 4 октября 1937 г. В постановлении бюро городского комитета ВКП(б) «О политической и культурно-просветительной работе среди трудящихся нацменьшинств» пункт первый гласил: «Существующие национальные домпросветы: финский, еврейский, эстонский, польский, немецкий, татарский, латышский, народов Востока — ликвидировать. Предложить партийным, профсоюзным

и комсомольским организациям организовать политико-воспитательную и культурно-просветительную работу среди трудящихся нацменов в домах культуры, клубах и красных уголках, обратив особое внимание на политическое воспитание трудящихся нацменьшинств и всячески помогая трудящимся нацменам в овладении русским языком и вовлекая их в общую работу»⁵⁶.

Ликвидация городских домпросветов не означала автоматического прекращения деятельности национальных театров, поскольку они только работали на базе ДПР, но представляли собой отдельные учреждения с областным подчинением. Поэтому их агония продолжалась еще некоторое время. Осенью 1937 г. секретарь обкома ВКП(б) В. Цветков направил второму секретарю А. А. Кузнецову «Предложения о ликвидации национальных культурно-просветительных учреждений, являющихся рассадником буржуазного национализма»⁵⁷. Он констатировал, что «национальные учреждения, школы, детские дома, газеты и издательства, передвижные театры, ансамбли и т.д. превратились в очаги подрывной буржуазно-националистической работы врагов народа, направленной к ослаблению единства народов СССР и играющей на руку японо-германской фашистской агентуре»⁵⁸. Художественные национальные коллективы характеризовались им как находившиеся вне какого-либо руководства и контроля, в силу чего «были использованы троцкистско-бухаринской и националистической агентурой фашизма для спланирования контрреволюционных националистических элементов, шпионажа и вредительства»⁵⁹. В связи с этим Ленсовету предлагалось «немедленно ликвидировать латышские, эстонские, финские, китайский и армянский драмколлективы, передвижные театры и ансамбли, являющиеся рассадниками буржуазного национализма и очагами враждебной работы»⁶⁰. Эти предложения были поддержаны членами бюро горкома (протокол № 10 от 11 ноября 1937 г.)⁶¹ и вошли в проект постановления бюро обкома ВКП(б) от 20 декабря 1937 г. «О национальных школах и других культурно-просветительных учреждениях» в следующей редакции: «Предложить облисполкому и Ленинградскому Совету РК и КД к 1 января 1938 г. ликвидировать латышские, эстонские, финские, китайский драмколлективы и передвижные театры» (пункт 7-й)⁶².

Исполнение партийной директивы «в советском порядке» осуществилось несколько позже, что было вызвано чисто техническими причинами. 8 марта 1938 г. секретарь горкома В. Цветков направил А. А. Жданову и А. А. Кузнецову «Справку о ликвидации национальных школ и других культурно-просветительных учреждений», в которой, в частности, говорилось: «Национальные клубы, передвижные театры и художественные ансамбли (латышский, эстонский, финский), по решению Облисполкома от 25.II с. г. ликвидированы».

Многие сотрудники национальных художественных коллективов были репрессированы. Эта трагедия не обошла и сотрудников Ленинградского эстонского театра. Эстонский театр имел большой творческий потенциал и массового зрителя не только в Ленинграде и области, но и в других регионах России

и СССР, был крепким профессиональным коллективом. Административное прекращение его деятельности, не вызванное обоснованными объективными причинами, прервало художественную традицию национальных меньшинств и нанесло урон ленинградской-петербургской культуре в целом.

- ¹ Юхнёва Н. В. Многонациональная столица империи // Многонациональный Петербург. История. Религии. Народы. СПб., 2002. С. 118.
- ² Самойлов В. А. Эстонский театр и некоторые особенности культурной жизни эстонцев в Петербурге (1873–1917 гг.) // Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 83.
- ³ Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. М., 1919. Вып. 1. С. 140–143.
- ⁴ Ко всем национальностям России: Обращение Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению // Театр. 1987. № 1. С. 3.
- ⁵ Жизнь искусства. 1919. 11 апр. С. 2–3.
- ⁶ Самойлов В. А. Эстонский театр и некоторые особенности культурной жизни эстонцев в Петербурге. С. 96.
- ⁷ Исаков С. Петербург–Петроград в истории эстонской культуры // Нева. 1979. № 10. С. 185.
- ⁸ Жизнь национальностей. 1920. 7 нояб.
- ⁹ Исаков С. Петербург–Петроград в истории эстонской культуры. С. 185; Маамяги В. А. Эстонцы в СССР. 1917–1940. М., 1990. С. 142; Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб.). Ф. 16. Оп. 11. Д. 10790. Л. 6.
- ¹⁰ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 2552. Оп. 1. Д. 296. Л. 29; Д. 559. Л. 7–8; Д. 805. Л. 2.
- ¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10790. Л. 3 об.
- ¹² Там же. Л. 6; Д. 10755. Л. 8 об.
- ¹³ Романова Н. М. Политика управления национальными процессами в Петрограде и Петроградской губернии: 1917–1923 гг. (по материалам Петроградского Комиссариата по делам национальностей). СПб., 2013. С. 330.
- ¹⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 11008. Л. 2; Рябинкин И. Об основных предпосылках работы клубов нацмен // Просвещение (Л.). 1928. № 2. С. 28.
- ¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 11. Д. 10933. Л. 2; Д. 11008. Л. 1.
- ¹⁶ Гриневский М. Отголоски. «Эстонские буржуа в аду» // Жизнь искусства. 1925. № 9. 3 марта. С. 17–18.
- ¹⁷ Рабочий и театр. 1929. № 12. 17 марта. С. 15.
- ¹⁸ Постановление СНК РСФСР «Решительно перестроить систему руководства театрами» // Рабочий и театр. 1930. № 58–59. 31 окт. С. 2.
- ¹⁹ Рабочий и театр. 1930. № 64–65. 30 нояб. С. 16.
- ²⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 31. Л. 101.
- ²¹ Имеются в виду приграничные территории.
- ²² Там же. Л. 105.
- ²³ Там же. Д. 16. Л. 96, 118.
- ²⁴ Там же. Ф. 25. Оп. 8. Д. 76. Л. 121.
- ²⁵ Правда. 1934. 24 сент.
- ²⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 112. Л. 7.
- ²⁷ Там же. Оп. 8. Д. 260. Л. 17.
- ²⁸ Там же. Л. 40, 42.
- ²⁹ Там же. Д. 345. Л. 164–166.
- ³⁰ Там же. Л. 17.
- ³¹ Театральный Ленинград: Сб. статей и информационных материалов по ленинградским театрам. Л.; М., 1937. С. 93.

- ³² Маамяги В. А. Эстонцы в СССР. С. 179.
- ³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 2215. Л. 43.
- ³⁴ Маамяги В. А. Эстонцы в СССР. С. 179.
- ³⁵ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб). Ф. 258. Оп. 9. Д. 1. Л. 15.
- ³⁶ См.: Весь Ленинград на 1934 год. С. 327; Весь Ленинград на 1935 год. С. 386; Театр. Музыка. Эстрада. Кино. Справочник по Ленинграду. Л., 1936. С. 83; Театральный Ленинград: Сб. статей. Л., 1937. С. 93.
- ³⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 12. Д. 23. Л. 15; Д. 24. Л. 10 — 10 об., 16.
- ³⁸ Там же. Ф. 9. Оп. 2. Д. 19. Л. 51–52.
- ³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 16. Л. 96.
- ⁴⁰ Национальный театр в колхозе // Правда (М.). 1934. 24 сент.
- ⁴¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 260. Л. 13; Совхозно-колхозный эстонский театр // Театр. Музыка. Эстрада. Кино. Справочник по Ленинграду. С. 83.
- ⁴² В Ленинградских областных театрах // Рабочий и театр. 1935. № 11. Июнь. 3-я с. обложки.
- ⁴³ Из устных воспоминаний О. Ф. Клинберг, дочери Ф. К. Клинберга.
- ⁴⁴ Рабочий и театр. 1937. № 1. Янв. С. 30.
- ⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 345. Л. 128.
- ⁴⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 8. Д. 4. Л. 1.
- ⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 48. Л. 94–96.
- ⁴⁸ По материалам: ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 12. Д. 23. Л. 2, 12, 15; Д. 24. Л. 3–3-а; Д. 25. Л. 6; Д. 26. Л. 35 об.; ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 8. Д. 76. Л. 117.
- ⁴⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 12. Д. 26. Л. 33–34.
- ⁵⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 10. Д. 16. Л. 95.
- ⁵¹ Там же. Д. 31. Л. 106.
- ⁵² Там же. Оп. 8. Д. 260. Л. 17.
- ⁵³ Назаров Д. Управление, оторванное от театров // Рабочий и театр. 1937. № 10. Окт. С. 27.
- ⁵⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 2215. Л. 43.
- ⁵⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 14. Д. 14. Л. 36–37.
- ⁵⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 878. Л. 3.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 2215. Л. 36–40.
- ⁵⁸ Там же. Л. 36.
- ⁵⁹ Там же. Л. 37.
- ⁶⁰ Там же. Л. 39.
- ⁶¹ Там же. Ф. 25. Оп. 2-а. Д. 35. Л. 2.
- ⁶² Там же. Ф. 24. Оп. 2 (II). Д. 2092. Л. 63.

References

- ISAKOV S. *Peterburg–Petrograd v istorii èstonskoj kul'tury*. [Petersburg–Petrograd in the history of Estonian culture. In Russ.] // Neva. 1979. N 10. P. 182–187.
- MAAMÂGI V. A. *Èstoncy v SSSR. 1917–1940*. [Estonians in the Soviet Union. 1917–1940. In Russ.]. М., 1990.
- NAZAROV D. *Upravlenie, otorvannoe ot teatrov*. [Management divorced from theaters. In Russ.] // Rabočij i teatr. 1937. N 10.
- ROMANOVA N. M. *Politika upravljeniâ nacional'nyimi processami v Petrograde i Petrogradskoj gubernii: 1917–1923 gg. (po materialam Petrogradskogo Komissariata po delam nacional'nostej)*. [Management policy national processes in Petrograd and Petrograd province: 1917–1923 (according to the materials of the Petrograd Commissariat for nationalities). In Russ.]. SPb., 2013.

SAMOJLOV V. A. *Èstoniskij teatr i nekotorye osobennosti kul'turnoj žizni èstoncev v Peterburge (1873–1917 gg.)*. [Estonian theatre and some of the features of the cultural life of Estonians in St. Petersburg (1873–1917). In Russ.] // Staryj Peterburg: Istoriko-ètnografičeskie issledovaniâ. L., 1982.

Teatral'nyj Leningrad: Sb. statej i informacionnyh materialov po leningradskim teatram. [Theatre Leningrad: The articles and information on Leningrad theatres. In Russ.]. L.; M., 1937.

ÛHNĖVA N. V. *Mnogonacional'naâ stolica imperii*. [A multinational capital of the Empire. In Russ.] // *Mnogonacional'nyj Peterburg. Istoriâ. Religii. Narody*. SPb., 2002.

Список литературы

Исаков С. Петербург–Петроград в истории эстонской культуры // Нева. 1979. № 10. С. 182–187.

Маамяги В. А. Эстонцы в СССР. 1917–1940. М., 1990.

Назаров Д. Управление, оторванное от театров // Рабочий и театр. 1937. № 10.

Романова Н. М. Политика управления национальными процессами в Петрограде и Петроградской губернии: 1917–1923 гг. (по материалам Петроградского комиссариата по делам национальностей). СПб., 2013.

Самойлов В. А. Эстонский театр и некоторые особенности культурной жизни эстонцев в Петербурге (1873–1917 гг.) // Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л., 1982.

Театральный Ленинград: Сб. статей и информационных материалов по ленинградским театрам. Л.; М., 1937.

Юхнёва Н. В. Многонациональная столица империи // Многонациональный Петербург. История. Религии. Народы. СПб., 2002.

Т. М. Смирнова. Эстонский театр в Петрограде–Ленинграде (1917–1937 гг.)

В статье рассматривается история создания и деятельность эстонских любительских драматических коллективов и профессиональных театров в 1917–1937 гг., в период государственной поддержки культуры национальных меньшинств в системе диктатуры пролетариата. Показана роль Эстонского дома просвещения в художественной жизни эстонской этнической группы Ленинграда и Ленинградской области. Прослежена судьба Государственного эстонского театра (1930–1937), охарактеризованы состав труппы и репертуар, приведен список репрессированных руководителей театра. Статья написана преимущественно по архивным материалам, впервые вводимым в научный оборот.

Ключевые слова: Петроград, Ленинград, Ленинградская область, Эстонский пролеткульт, Эстонский дом просвещения, Ленинградский эстонский театр.

T. M. Smirnova. Estonian theatre in Petrograd-Leningrad (1917–1937)

The article discusses the history and activities of Estonian Amateur drama groups and professional theatres in 1917–1937, in the period of state support of culture of national minorities in the system of the dictatorship of the proletariat. The role of the Estonian Home education in the artistic life of the Estonian ethnic groups of the Leningrad and Leningrad region. Describe the fate of the Estonian State theatre (1930–1937), described the troupe and repertoire, lists of repressed leaders of the theater. The article is written primarily on archival materials.

Key words: Petrograd, Leningrad, Leningrad oblast, an Estonian soul, the Estonian House of education, the Estonian theatre in Leningrad.

Смирнова Тамара Михайловна — д.и.н., профессор гуманитарного факультета Государственного университета авиационного приборостроения.

Smirnova Tamara Mikhailovna — Dr. of Sciences (History), Professor of the Humanitarian faculty of the State University of aerospace instrumentation.

E-mail: mokva@inbox.ru